

ЛИВИЙСКИЙ СЮЖЕТ: СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИЯ В ПОИСКЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ¹

Ключевые слова: ливийский кризис, внешняя политика Германии, мультилатерализм, перенапряжение сил.

Key words: Libyan crisis, foreign policy of Germany, Multilateralism, material overstretch.

В ходе ливийского кризиса весной — осенью 2011 г. Германия приняла решение не поддерживать своих союзников по НАТО в их намерениях военным образом способствовать свержению режима ливийского лидера М. Каддафи. Это вызвало недоумение в кругах как западной общественности, так и отчасти в самой Германии. Ветераны германской внешней политики — экс-канцлер Г. Коль² и экс-министр иностранных дел во времена Г. Шредера Й. Фишер³, несмотря на различие политико-идеологических взглядов, сошлись во мнении, что правительство А. Меркель таким решением подрывает доверие своих ближайших партнеров и в некотором смысле выпадает из европейского и западного политического контекста. Эксперты-алармисты даже заявили о том, что Берлин все более и более подменяет политику ценностей на ситуативную, более реалистичную политику, в рамках которой он готов на близкие отношения с такими странами, как Китай и Россия, и на подчинение всех своих действий экспортным интересам⁴.

В этой связи представляется крайне важным задуматься над мотивами германской внешней политики в ливийском вопросе, что, на самом деле, может прояснить современные отношения не только внутри германского общества, но и внутри Североатлантического Альянса, показать нарождающуюся в нем дискуссию относительно механизмов реализации т.н. «политики, основанной на ценностях».

Ливия и Ирак: различие контекстов

Позиция по Ливии — далеко не первое принципиальное решение германского правительства, которое вызвало определенные споры с ее ключевыми внешнеполитически-

Андрей Владимирович Девятков, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета. Сфера научных интересов — Приднестровье, конфликтология, политика России. E-mail: meisterandrei@yandex.ru.

Марианна Владимировна Шрайнер, бакалавр в области международных отношений. Сфера научных интересов — Германия, политика Германии на Ближнем Востоке. E-mail: marianna.shrainer@yandex.ru.

¹ Статья подготовлена в рамках проведения поисковых научно-исследовательских работ при поддержке Министерства образования и науки РФ, федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (мероприятие 1.2.2 — IV очередь). Госконтракт № 14.740.11.1387.

² «Wir müssen wieder Zuversicht geben». Helmut Kohl über eine Aussenpolitik, der es an Verlaesslichkeit mangelt // Internationale Politik. September/Oktober 2011. S. 10–17.

³ Fischer, Joschka. Deutsche Aussenpolitik — eine Farce // Süddeutsche Zeitung, 22 März 2011.

⁴ Guerot U. Eine deutsche Versuchung: oestliche Horizonte? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 62. Jahrgang. 10/2012. No 5. S. 9–16.

ми партнерами. Берлин, однозначно ориентируясь на принципы солидарности и общие представления о значимости прав человека и необходимости борьбы с терроризмом, поддержал другие страны НАТО в Югославии, Афганистане, однако именно Германия была той страной Западной Европы, которая задолго до начала операции США в Ираке выразила неодобрение этой инициативы Вашингтона.

Однако в 2003 г. позиция Берлина вызывала, скорее, уважение у международной общественности. Несмотря на то, что миру были известны массовые нарушения прав человека со стороны режима Саддама Хусейна, доминировало мнение о преувеличенности угрозы жизненно важным интересам и безопасности стран Запада, и эта преувеличенность воспринималась как инструмент реализации американских внешнеполитических планов по демократизации Ближнего Востока. У политиков многих стран присутствовала неуверенность в том, нужно ли вторгаться в такую крупную исламскую страну, как Ирак, и исчерпана ли на самом деле политика санкций. Неодобрение действий Вашингтона последовало не только со стороны Германии, но и многих стран т. н. «старой Европы», поэтому ось Берлин-Париж-Москва не казалась в тот момент неким выпадением Германии из Европы. Скорее, наоборот, этот шаг, по мнению многих, знаменовал собой рождение собственно европейской внешней политики, ориентированной на многосторонность, предпочтение дипломатии силовым методам.

Ливийская ситуация в корне отличалась от иракской. Массированное использование режимом Каддафи армии против внутренней оппозиции, о котором мировые СМИ сообщали ежедневно, послужило одной из главных причин консолидации международного сообщества вокруг идеи о необходимости смены режима в Ливии. В рамках ООН в начале марта 2011 г. всерьез начала обсуждаться инициатива об объявлении неба Ливии бесполетной зоной — с целью затруднить разворачивание военных действий ливийской армии. А. Меркель заявила при этом, что, несмотря на очевидность войны режима Каддафи против собственного народа, международному сообществу перед принятием такой меры, как введение бесполетной зоны, необходимо задуматься над тем, сможет ли она вообще быть реализована. Также бундесканцлер отметила, что первой предпосылкой для принятия такого решения должно быть согласие внутри Совета безопасности ООН, а также поддержка со стороны Лиги арабских государств и Африканского Союза¹. Когда же Франции и США как основным инициаторам такой меры удалось добиться самой широкой поддержки, в том числе воздержания при голосовании со стороны Китая и России (что фактически означало их согласие), Берлин был поставлен в трудное положение: присутствовали все те предпосылки для принятия принципиального решения Советом Безопасности ООН, о которых говорила Меркель, и, главное, готовность союзников по НАТО решительно реализовывать все необходимые меры для прекращения насилия в Ливии.

В отличие от воздержания со стороны Китая и России, немецкая позиция фактически означала «нет» решению Совета Безопасности. В отличие от Португалии, которая могла себе позволить проголосовать за Резолюцию, не участвуя в ее реализации, у Германии в Средиземном море в рамках операции НАТО Active Endeavour находилось 2 фрегата и катера с 500 солдатами на борту и 60 самолетов-разведчиков. Они были бы автоматически задействованы в операции НАТО в Ливии в случае положительной позиции Берлина по Резолюции 1973, поэтому Берлин не только воздержался при голосовании, но и вывел эти

¹ Merkel: Regierung skeptisch bei Frage nach militärischem Eingreifen in Libyen, http://www.bundestag.de/presse/hib/2011_03/2011_096/01.html (дата обращения: 05.05.2012).

войска из Средиземноморья¹. Усиление военного потенциала Бундесвера в Афганистане было воспринято как стремление «сохранить лицо», но при плохой игре.

Необходимо при этом учитывать, что в случае с Германией такое поведение не могло быть списано просто на то, что это суверенное государство, пусть и член Альянса и ЕС. Два основополагающие принципа германской внешней политики после 1945 г. — “never again” и “never alone” — диктовали всем немецким правительствам, вне зависимости от партийной принадлежности, необходимость такого внешнеполитического поведения, которое бы полностью вписывалось в контекст НАТО и ЕС и было направлено на укрепление этих институтов². В отличие от иракской ситуации, именно Германия была в этом случае нарушителем принципа трансатлантической и европейской солидарности. Однако в то же время дискурс правительства о том, что ливийский конфликт нуждается в политическом решении, а не силовом, и что смена режима в Ливии должна произойти только изнутри, а не руками иностранных держав, вполне соответствовал третьему основополагающему принципу германской внешней политики — politics before force.

Мотивы германской дипломатии

Высказывались разные предположения, почему Германия решилась на такое демонстративное дистанцирование от позиции остальных членов НАТО, однако ключевой причиной эксперты считают конъюнктурную ориентированность правительства А. Меркель на немецкое общественное мнение. Этому, конечно же, способствует тот факт, что правительственная коалиция ХДС/ХСС и СвДП за последние годы приняла несколько, как считается, популистских решений: о т.н. Atomausstieg (отказ от ядерной энергии) непосредственно после трагедии в Японии, об отмене обязательного военного призыва. Политика отказа от ядерной энергетики казалась особенно непродуманной и ситуативной, так как правительство не выработало даже стратегического плана по энергетическому обеспечению национальной экономики до принятия решения о постепенном отключении ядерных реакторов.

Х. Маулль, профессор университета г. Триер, относится к одним из самых принципиальных и популярных критиков политики немецкого правительства. Он считает, что ключевым мотивом для принятия решения по неучастию в военной операции НАТО сыграла заинтересованность немецких политиков в сохранении политических позиций правительственной коалиции. Именно в то время проводились выборы в два немецких региональных парламента, которые имели чрезвычайное значение для имиджа коалиции ХДС/ХСС-СвДП на федеральном уровне³. Как А. Меркель, так и представитель СвДП, министр иностранных дел Г. Вестервелле, по мнению Х. Маулля, ориентировались прежде всего на общественное мнение, которое, хотя и выступало за военное вторжение в Ливию, относилось резко отрицательно к любому участию Бундесвера в нем⁴. По этому поводу в немецкой прессе также было высказано интересное мнение, что Вестервелле и Меркель хотели вынести из ливийского кризиса определенные внутривнутриполитические выгоды, не обращая внимания на то, какой урон это может нанести внешней политике Германии. А тот курс, что черно-желтое правительство в последнее

¹ Jungholt T. Regierung tauscht Libyen gegen Afghanistan // Die Welt, 24. März 2011.

² Maull H. Deutsche Aussenpolitik: Orientierungslos // Zeitschrift fuer Politikwissenschaft, 21. Jahrgang (2011), Heft 1, S. 93–117.

³ Maull H. Aussenpolitische Entscheidungsprozesse in Krisenzeiten // Aus Politik und Zeitgeschichte. 62. Jahrgang. 10/2012. No 5. S. 35–36.

⁴ 62 Prozent der Deutschen für Militärschlag // Die Welt, 20 März 2011.

время и пыталось выдать в качестве новой внешнеполитической доктрины, в реальности оказывался исключительно выражением внутривнутриполитического популизма¹.

Немецкие общественные настроения, действительно, в последние годы приобретают явный изоляционистский характер. Германия стала главным финансовым спонсором сохранения евро как единой европейской валюты, что в целом соответствует ее положению гиганта мировой экономики. Также Берлин является одним из ключевых участников операции НАТО в Афганистане и многих других миротворческих миссий, например в Косово, Судане, Грузии, Ливане, Боснии и Герцеговине. Однако на фоне обострения социальных проблем в самой Германии, нарастания там антимиграционных настроений становится понятной негативная реакция немецкой публики на дальнейшее наращивание международных обязательств страны. К тому же, Бундесвер в последние годы стал одним из главных объектов немецкой бюджетной экономии.

В Германии с оглядкой на общественное мнение создана сложная система согласования решений по применению войск Бундесвера за рубежом. По решению немецкого Конституционного суда даже для любого изменения в количестве задействованных войск правительству необходимо получать большинство в Бундестаге. В этой связи Ганс-Дитрих Геншер, будучи еще министром иностранных дел, заявил однажды по поводу военного участия Германии следующее: «Мы среди Вас, но, к сожалению, не можем быть с Вами — для этого нужен мандат Бундестага и благословение конституционного суда в Карлсруэ»².

Тем не менее, было бы упрощением утверждать, что правительство А. Меркель в своем отказе от участия в ливийской кампании НАТО лишь шло на поводу у общественного мнения. В ходе своего выступления еще в октябре 2010 г. министр иностранных дел Г. Вестервелле заявил: «Наши возможности по стабилизации распадающихся государств ограничены. Не существует рецептов, это Запад должен осознать... Главной предпосылкой для преодоления насилия остается стремление к миру в самих этих государствах. Германия выступает и в дальнейшем за политику сдержанности, когда речь идет о применении военной силы»³.

Таким образом, лица, принимающие внешнеполитические решения в Германии, видимо, уже сделали для себя два основных вывода. Во-первых, Германия в достаточной мере нагружена внешнеполитическими обязательствами, и ее ресурсы находятся на пределе. С обострением же международной обстановки, в особенности в связи с «арабской весной», ситуацией в Иране, волна гуманитарных интервенций, возможно, будет лишь нарастать. Фактически позицию Германии можно интерпретировать как имплицитное несогласие с наращиванием вмешательства стран НАТО во внутренние дела других государств при недостаточных финансовых и технико-организационных возможностях. К тому же, США, объявившие своим основным военно-политическим приоритетом Азиатско-Тихоокеанский регион, уже заявили о том, что европейские союзники должны взять на себя большую ответственность за собственную оборону и в целом за реализацию политики НАТО. В этой связи в ЕС снова обостряются дискуссии

¹ Westerwelles widersinnige Doktrin // Spiegel, 29 Oktober 2011, <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/0,1518,753759,00.html> (дата посещения: 06.05.2012).

² Eine Regierung ohne Kiel und Kompass // Die Zeit, 25 Maerz. 2011, <http://www.zeit.de/politik/ausland/2011-03/deutschland-libyen-aussenpolitik> (дата посещения: 06.05.2012).

³ Grundsatzrede von Bundesaußenminister Westerwelle bei der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik, 21.10.2010, http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/AktuelleArtikel/101021-BM-dgap-grundsatzrede_node.html (дата посещения: 05.05.2012).

вокруг необходимости укрепления европейской политики обороны и безопасности. Как заявил польский министр иностранных дел Т. Сикорский, оборонные расходы стран ЕС сопоставимы с расходами США, но военный потенциал Объединенной Европы не идет ни в какое сравнение с американским¹. В этой связи, при нереализованности амбициозных проектов по созданию объединенного европейского военного потенциала, любое увеличение активности по проведению операций НАТО «out of area» ляжет тяжелым бременем прежде всего на Берлин. Поэтому Германия осознает, что при подобном развитии событий возрастет роль ФРГ как «главной державы», и эта роль будет усиливаться по мере того, как будет расшатываться опора в виде НАТО или будет изменяться характер Европейского Союза. Независимо от того, какой из этих сценариев окажется ближе к реальности, значимая роль Германии как лидера на континенте будет неоспоримой.

Во-вторых, немецкие политики задумываются в целом об эффективности военных операций НАТО в других странах. Не раз звучали заявления о том, что внешняя поддержка демократии и прав человека эффективна лишь в том случае, если в данной стране формируются все условия для дальнейшего стабильного развития. Немцы научены опытом «цветных революций», иракской, югославской и афганской кампаниями, нынешними событиями в странах «арабской весны» и скептически рассматривают перспективы международных интервенций в страны, где для демократии не созрели местные условия.

Следовательно, решение по Ливии — это проявление того, что Германия ощущает пределы миротворческого потенциала при нынешней конфигурации оборонного потенциала НАТО и призывает более взвешенно относиться к гуманитарным интервенциям как таковым. Только при таких серьезных или аналогичных им причинах немецкое правительство смогло бы решиться на нарушение незыблемого принципа своей внешней политики — *never alone*, что в некоторой степени всегда приводит к возрождению национального страха перед обвинениями в возвращении к политике «*Sonderweg*» (особого немецкого пути).

Исследователи употребляют термин «*Sonderweg*», говоря о поиске Германией идентичности, который продолжается с момента ее объединения в 1990 г. Немецкий эксперт Бернхард Шталь в своей работе попытался рассмотреть ливийский вопрос в контексте процесса строительства немецкой идентичности при ключевой роли в этом процессе правительства. По мнению Б. Шталя, дискурс немецкой идентичности подвергся значительной «реконструкции» со времен холодной войны и сегодня имеет тенденцию к пацифизму, что в полной мере отразилось в политике Германии в ходе ливийского кризиса². Так, например, в многочисленных заявлениях Вестервелле и Меркель можно заметить повторяющуюся мысль о нежелании правительства отправлять немецких солдат на гражданскую войну в Ливии³. Примечательно, что слово «война» политиками использовалось в ходе дискуссий о введении зоны, запретной для полетов, — меры, на

¹ «Fuehren heisst nicht dominieren». Wie Deutschland seinen Part in Europa spielen sollte // Internationale Politik. Mai/Juni 2012. S. 12.

² Stahl B. Die deutsche Außenpolitik in der Libyen-Krise — der Erklärungsbeitrag der diskursgebundenen Identitätstheorie // Universität Passau. 2011, http://www.uniheidelberg.de/md/politik/harnisch/libyen_stahl.pdf (дата посещения: 06.05.2012).

³ Westerwelle zum Libyen-Einsatz: Bedenke das Ende! Sueddeutsche. de, 24 Maerz 2011, <http://www.sueddeutsche.de/politik/libyen-einsatz-kritik-an-der-deutschen-position-bedenke-das-ende-1.1076441> (дата посещения: 06.05.2012).

первый взгляд, не предусматривающей применение военной силы. Отсюда следует, что дистанцирование нынешнего германского правительства от союзников — это не попытка изолироваться от них, а, скорее, попытка доказать, что гуманитарные интервенции необходимо более тщательно обдумывать. Таким образом, согласно современному правительственному дискурсу, Германия делает возможным односторонний отказ от военной интервенции даже при наличии Резолюции Совета Безопасности ООН. В то же время Б. Шталь предполагает, что при смене коалиционного правительства в Германии сменится соответственно и риторика: например, если к власти в ФРГ придут социал-демократы или «зеленые», то они будут строить идентичность Германии совершенно по иному сценарию. Таким образом, ливийская политика, по мнению автора, стала выражением кризиса идентичности в Германии: нестабильный правительственный дискурс и, как следствие, недостаточность мотивации руководящих лиц приведут в итоге к кризису внешней политики.

Заключение

Таким образом, вряд ли имеет смысл говорить о том, что ливийский сюжет является признаком того, что германская внешняя политика будет скатываться к изоляционизму, односторонности и заносчивости. С другой стороны, немецкая «сдержанность» вряд ли означает нежелание брать на себя ту международную ответственность, которую активно пытаются возложить на Берлин его международные партнеры.

Как следует из действий германского правительства последних лет, ключевым приоритетом для него является сохранение и развитие достижений европейской интеграции. Вторым историческим приоритетом для Берлина остается политика разоружения и поддержания мира на европейском континенте (т. е. в рамках т. н. Большой Европы), что является не менее важным мотивом для развития отношений с Москвой, нежели интересы немецкого бизнеса.

Третьим заявленным приоритетом немецкой внешней политики является менеджмент глобализации, то есть совместное с другими странами управление теми рисками, которые возникают в процессе глобализации мировой экономики и социально-политического пространства. Такие страны, как Китай и Индия являются одними из главных «акционеров» сегодняшней глобализированной экономики, что делает взаимодействие с ними неизбежным.

Видимо, именно в этом треугольнике (европейская интеграция — мир и разоружение — менеджмент глобализации) и будут заключаться основные приоритеты немецкой внешней политики на обозримое будущее. Процессы «децентрализации» Запада уже давно идут, и вышеозначенные немецкие приоритеты явно не так однозначны в плане конкретной реализации, по сравнению с тем, какими они были в период «конфликта Востока и Запада». Ливийский сюжет — это яркий пример такой неоднозначности.

SUMMARY

The Germany's refusal to participate in the NATO's military operation during the Libyan crisis in 2011 caused a new wave of discussions around key principles of German foreign policy. The authors come to conclusion that a key motive of this decision was German skepticism towards the intensification of Western interventionist policy, amended by a growing dissatisfaction of German elites and public about material overstretch which could damage the German financial and social stability.